

Амаля разбудили стоны за стеной. С усилием разлепив глаза, он зажег экран телефона. Семь часов двадцать минут. Первое утро в новой квартире. Прислушался.

«М-м-м. М-м-м. Хорошо-о-о...»

Кровь ударила Амаля в голову. Вскочив с кровати, он прижался ухом к стене. Стоны усиливались.

Покойная бабушка повторяла: «Къомшунъ бай олсун бермесе де, со-рамаз». Что означает: «Пусть сосед будет богатым, хоть не даст ничего, но и не попросит». Амаль сложно сходился с людьми. Если в его помощи нуждались — отзывался, но, если общения можно было избежать, избегал. Когда выбирал квартиру, вопрос с соседями был для него не последним. Его успокоили, сказав, что рядом живет бездетная семейная пара под пятьдесят лет. «Аллагъа бинъ шукюр!» — поблагодарил бога Амаль.

Соседи почти все время проводили на работе, приходили поздно, дружеских посиделок не устраивали. Все было хорошо, но каждую субботу Амаль под звуки их дежурных соитий просыпался от томления по всему телу.

В отличие от многих товарищей детства, он не воспользовался переездом, чтобы пуститься туда, о чем дома и помыслить было нельзя. Амаль редко-редко позволял себе встречи, которые не имели последствий и продолжений. Он так любил тишину, что даже женщин предпочитал умеющих во время ночных свиданий не переходить на крик. В целом же держал людей на расстоянии. Особенно громкоговорящих людей. Такие вызывали у Амалья мгновенную головную боль.

Иногда ему казалось, что он переехал, чтобы быть подальше от своей очень веселой, но чересчур шумной семьи. На самом деле — нет. Он переехал в этот большой город, потому что на его малой родине компьютерный дизайн почти никого не интересовал. Те же, кто в нем нуждался, сотрудничать стремились на безвозмездных началах. Амаль был отзывчивым парнем, но хлеб в магазине за добрый характер не давали.

В городе применение себе Амаль нашел быстро. Работал добросовестно, честно. Родители гордились, но втайне надеялись, что сын не выдержит и вернется. Все-таки деревенскому мальчику ритм мегаполиса должен казаться изнуряющим. Была еще одна причина для возвращения: сердечная. Красавица Зера дала Амалю шесть месяцев.

«Внутренний эмигрант» — прозвала Амалья сестра, изучающая по интернету вопросы глобализации и интеграции. На второй год его отъезда она сообщила, что они приглашены на свадьбу Зеры. Жених из соседнего села. Мама долго плакала. Отец весь день ходил хмурый.

Амалю нравилось его одиночество. Нравилось то, что в большом городе можно не соответствовать ожиданиям других, пусть даже самых близких людей. Свободу этого города могла сковать только зима. В последние дни Амаль с удовольствием наблюдал, как все вокруг попадает под власть первого снега. Старинные особняки, новостройки, детские площадки, натирающий глаз гигантский памятник посреди реки... Прежним оставался только извечный городской шум. Обернись Амаль молодым снегом, он сумел бы погрузить этот город в тишину...

Вернувшись с работы, он узнал, что семья по соседству съехала. По этому случаю впервые купил себе пива. Сделав несколько глотков, вылил остаток в раковину. Не то, чтобы ему не нравились соседи. Хорошие люди, просто они вгоняли его в краску, особенно после того, как он столкнулся с ними в подъезде. Оказалось, что они одного возраста с его родителями, и это смущало Амалья еще больше.

Уже к следующему вечеру в соседнюю квартиру заселилась пара, гораздо моложе предыдущих хозяев. Видимо, мебели у ребят почти не было, от этого по квартире свободно гуляло эхо. Амаль попивал зеле-

ный чай, корректировал очередной рекламный буклет и чувствовал, будто оказался на спектакле с двумя действующими лицами. Не все слова за стенкой получалось разобрать, но веселые переругивания слышались отчетливо.

Вдруг у них там что-то упало, заворчалось, и Амаль с ужасом понял, что снова становится свидетелем чужой личной жизни. Новые соседи не стеснялись. Шлепок, стон, вскрик...

Накинув куртку, Амаль поспешил на улицу. Городской парк был закрыт, но он давно знал, за каким кустом спрятан пролом в заборе. Сквозь вековые деревья за ним наблюдали звезды и обрезок молодого месяца. Ночь наполнилась робкой, недоумелой тишиной.

За что, о Аллах? Он так старается вести добропорядочную жизнь. Он честно зарабатывает на жизнь и ежемесячно отправляет часть заработка семье. Он не пьет. Да, попробовал пиво, но это больше не повторится. Он не смотрит на чужих женщин. Старается не смотреть... Но ведь это невозможно. Он же живой! Эта девушка за стеной с такой страстью билась в объятиях парня...

Его не оставляло необыкновенное телесное возбуждение. Оно было самостоятельное, владело только телом, не захватывая души. Сердце, однако, было готово выпрыгнуть из груди. «И хорошо, — думал Амаль, — в груди станет легче».

Пара в соседней квартире расписания не придерживалась. Похоже, как накатывало, так и бросались друг к другу. Оказывается, так тоже можно. Амаль постыдно терял душевное равновесие. Когда обстоятельства заставили работодателя решать, кого из сотрудников перевести на удаленку, первым попросился Амаль. Теперь он откровенно ждал момента, чтобы стать свидетелем чужой любви. И расстраивался, если тишина за стеной ничем не нарушалась. У него непреходяще покалывало в пальцах. Побеждая возбуждение, он стеснялся своей порочности, но одновременно ликовал, и скрыть этого уже не выходило. Каждый шорох за стеной заставлял прислушиваться. Он не мог спать. Мелкие рывки в сон и обратно. Он смеялся над собой, издевался, но продолжал прислушиваться.

Так прошел месяц, может, больше... Однажды он с неприятным удивлением обнаружил себя на коленях около розетки. Видимо, ему казалось, что здесь лучше слышно.

Что ты делаешь? Что ты делаешь?

Ты ли это?!

В эту минуту недовольство собой достигло высшей силы. Амаль схватил единственную свою тарелку и с ревом запустил ею о стену, разделяющую его и соседей...

В магазине посуды хорошенькая продавщица повторно спросила, какие цвета предпочитает Амаль. Голос ее звучал нежно, словно кема-не, на которой дядюшка играл для Амаля в детстве. Он смутился. Девушка заулыбалась. Он признался, что ему все равно, но, если на тарелках будет море, он будет рад. Девушка посерьезнела. К сожалению, такой посуды нет. Была бы, сама бы купила. Она очень скучает по дому, там остались родители, а из окна виден краешек Черного моря. Амаль приоткрыл глаза к табличке с именем девушки: Земине...

В большом городе не бывает абсолютной тишины. Здесь всегда многолюдно, оживленно. Амаль больше не тревожился этим. Молодые за стеной вскоре освободили квартиру. Иногда Амаль задумывался: может, их и не было вовсе? Может, это его выдумка?

Облака расходились тонким белым дымом, сливаясь с влажно синеватым небом. Вокруг таяло. С крыш домов то и дело срывались остатки снега. Поздно приходит в город весна.